

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2025, № 2 / 2025, Iss. 2 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82.09

Исследование этики исторического повествования в «Воспоминаниях» Тэффи

¹ Лина Ма

¹ Университет Внутренней Монголии, Китай

Аннотация: идея исторической этики в творчестве русского писателя Тэффи нашла своё главное воплощение в «Воспоминаниях», в которых писатель через сочетание основного циклического сюжета о побеге и подсюжета о всеохватывающих персонажах показывает этический хаос периода первой волны русской эмиграции, такой как равнодушие к чужой смерти, дисбаланс традиционной морали, дилемма этики свободы и ответственности, и выражает новый этический порядок, принимающий выживание мира как главный принцип в хаотическом мире.

Ключевые слова: «Воспоминания», первая волна русской эмиграции, нарративная этика

Для цитирования: Лина Ма Исследование этики исторического повествования в «Воспоминаниях» Тэффи // Современный ученый. 2025. № 2. С. 152 – 160.

Поступила в редакцию: 14 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 3 февраля 2025 г.

A study of the ethics of historical narrative in Teffi's "Memoirs"

¹ Lina Ma

¹ Inner Mongolia University, China

Abstract: Russian writer Teffi's idea of historical ethics has found its main embodiment in "Memoirs", in which the writer, through a combination of the main cyclical plot about escape and a subplot about all-encompassing characters, shows the ethical chaos of the period of the first wave of Russian emigration, such as indifference to the death of others, the imbalance of traditional morality, the dilemma of ethics of freedom and responsibility, and it expresses a new ethical order that accepts the survival of the world as the main principle in a chaotic world.

Keywords: "Memoirs", the first wave of Russian emigration, narrative ethics

For citation: Lina Ma A study of the ethics of historical narrative in Teffi's "Memoirs". Modern Scientist. 2025. 2. P. 152 – 160.

The article was submitted: October 14, 2024; Approved after reviewing: December 17, 2024; Accepted for publication: February 3, 2025.

Введение

Этика исторического повествования заключается в том, чтобы показать скрытые этические дилеммы, стоящие за физическими и психологическими травмами людей в особый исторический период, через удивительные «события» и умные «повествования», и сделать глубокие этические размышления об истории, людях в истории и отношениях между людьми.

Первая волна русской эмиграции – неизбежная тема в истории России XX века. Согласно данным ООН, после революции Россию покинуло около 1 160 000 человек [5]. Историю зарубежной литературы, равно как и историю самой эмиграции как массового явления, надлежит начинать с 1920 года [6]. Болезненный опыт большого числа интеллигентов, вынужденных покинуть родину, стал основным содержанием и фоном для творчества писателей-эмигрантов. «Воспоминания» были написаны в 1928 году, и вся история основана на реальном опыте самого писателя, который отправился из Москвы в 1918 году и прошёл осень, зиму, весну и лето, север и юг на пути к эмиграции. В последние годы переводы этого автобиографического романа были опубликованы в Китае, Великобритании, США и многих европейских странах. Внимание учёных и читателей привлекает не только драматический сюжет, простой и юмористический язык, оптимистичный и элегантный стиль, но и закрученная и жестокая история русской эмиграции, стоящая за сюжетом.

Надежда Александровна Лохвицкая, известная читателям под псевдонимом Тэффи, носила титул «королевы смеха», к которому лишь наиболее внимательные знатоки русской словесности добавляли определение «печальная» [4]. Известная исследовательница творчества Тэффи Е.М. Трубилова, составительница нескольких сборников ее произведений, писала: «...новый читатель, успевший полюбить писательницу так же пылко, как ее современники, больше знает Тэффи-юмористку. Меньше известны ее серьезные произведения» [7]. И Тэффи сама так сказала, что «Юмористкой в полном смысле этого слова я почти никогда не была. То есть не жертвовала во имя смеха литературной ценностью произведения» [10]. В данной статье мы будем подробно изучать серьёзные части в романе «Воспоминания» Тэффи.

Материалы и методы исследований

Для анализа этики исторического повествования были использованы описательный метод и метод нарративного анализа. В качестве материала рассмотрены тексты романа «Воспоминания» Н. Тэффи, что позволило выявить этические мысли в

историческом повествовании в данном романе.

Результаты и обсуждения

Хотя в авторском слове Тэффи указывает, что «только простой и правдивый рассказ о невольном путешествии автора через всю Россию вместе с огромной волной таких же, как он, обывателей» [9]. Но на самом деле это не просто рассказ, эти обычные люди, которые не могут быть записаны в истории, несут на себе отпечаток истории, и в то же время они участвовали в построении этического порядка новой эпохи своим собственным выбором и мыслями. **Основная циклическая история: выживание – первый этический принцип.**

В «Воспоминаниях» (1931) описан этот долгий беженский путь, причём, как и всегда у Тэффи, в органичном сплетеении трагического и комического, смеха и горечи, житейской чепухи и смертного ужаса [8].

При чтении «Воспоминания» Тэффи у читателя создается впечатление, что это «приключенческая повесть» с чёткой основной линией и простым сюжетом. Повествователь принимает точку зрения от первого лица и переносит читателя в Москву осенью 1918 года, откуда они отправляются на границу, затем в Киев, Одессу, Новороссийск, Екатеринодар и, наконец, на путь изгнания в Европу. В этот период главный герой с помощью мудрости и удачи разрешает один кризис за другим, а читатель также получает удовольствие от захватывающего сюжета и юмористического языка. Однако по мере чтения читатель все явственнее ощущает особенности этой истории и понимает, что это не просто «приключенческая история».

Американский учёный Джеймс Фелан выдвинул концепцию «Нarrативное движение» (progression), которая рассматривает повествование как динамический процесс – «синтеза текстовой и читательской динамики» [1]. Внутритестовая динамика осуществляется на уровне персонажей, событий, фактов (вписываясь в схему нестабильность – осложнение – разрешение) и на уровне наррации (отражая изменения в отношениях автора, нарратора, нарративной и аукториальной аудиторий в том, что касается знаний, интерпретаций, оценок). Наиболее ярким примером проявления нарраториальной динамики является недостоверная и достоверная наррация. Фелан пытается разделить «Нarrативное движение» на три этапы: начало, середина и конец. На этих трех этапах, по мере возникновения, развития и разрешения нестабильности и напряжения, читатель постепенно выносит суждения, пересматривает их на разных уровнях и в итоге приходит к собственным выводам. Согласно теории «Нarrативное

движение» Джеймса Фелана, структуру общего приключенческого рассказа можно разделить на три части: начало, середину и конец, в которых автор, рассказчик и персонажи завершают своё когнитивное, эмоциональное и этическое взаимодействие. Основная сюжетная линия «Воспоминания» ясна и, казалось бы, имеет простую структуру, однако она не может быть проанализирована строго в соответствии с теорией «Нarrативное движение» Джеймса Фелана, поскольку повествование «Воспоминания» не следует традиционной линейной структуре и не только не имеет грандиозного финала «прибытия», но и переходит в циклическое повествование: Бегство, пауза, бегство, пауза, бегство... В первой главе повествование начинается с паузы, во время которой «я» временно поселяется в Москве, потому что «Моё петербургское житье-бытье ликвидировано» [9]. Действие рассказа начинает в Москве, куда я бежал. Обстановка в Москве тоже очень страшная и сложная, поэтому по приглашению владельца театра Гуськин я решила «ехать с ним в Киев и Одессу устраивать мои литературные выступления» [9].

Главы II-VII: **Бегство:** в которой рассказывается о путешествии в Киев со всеми испытаниями и невзгодами на этом пути;

Главы VIII-XI: **Пауза:** описывает бес покойную жизнь, связанную с обустройством в Киеве, болезнями и писательством;

Глава XII: **Бегство:** описывает отъезд из Киева и бегство в Одессу;

Главы XIII-XIV: **Пауза:** описание временной жизни в Одессе, встречи со старыми друзьями;

Главы XV-XXIII: **Бегство:** описание путешествия в Новороссийск на пароходе «Шилка»;

Главы XXIV-XXVIII: **Пауза:** описание жизни в Новороссийске;

Глава XXIX: **Бегство:** описание поездки на поезде в Екатеринодар;

Глава XXX: **Пауза:** описание выступления в Екатеринодаре;

Глава XXXI: **Бегство:** описывающая путешествие на чужбину.

Рассказчик «я», вынужден следовать за волной изгнания, и история заканчивается путешествием с неизвестным исходом. Стоит отметить, что весь путь изгнания, описанный в «Воспоминаниях» Тэффи, полон случайностей, и не человеку решать, когда начнётся каждое путешествие, когда оно закончится, какое направление и пункт назначения выбрать, а человеку остаётся только «вместе с мусором, со щепками, с обрывками, с ошметками, сдувавшими людей направо, налево, за горы и в море, в стихийной жестокости, бездушной и бес-

смысленной. Он, этот вихрь, определял нашу судьбу...» [9]. Каждый из этих «вихрей» приходит из ниоткуда и приносит нестабильность, например, «Русское слово» закрыто. Перспектив никаких, неожиданное сообщение в поезде: «Вылезайте скорее! Маршрут меняется» [9]; на границе большевики потребовали дать концерт; за границей немецкие солдаты под дождём выталкивают нас на платформу; в Киеве внезапно услышать, как большевики обстреливают город; в Одессе французы собирались вывести свои войска и уйти... И каждое решение таких нестабильностей также было сопряжено с элементом неожиданности и случайности, например, владелец театра пригласил меня поехать на юг на спектакль в безнадёжном положении, мы покинули Москву в жуткую атмосферу; на границе мы посетили абсурдный концерт и получили пропуск; когда у меня не было пропуска на пароход «Шилка», старый друг предложил дать его, потому что он был один и боялся быть один, а усилия людей были минимальными.

На протяжении всего путешествия появление и решение такой частичной нестабильности повторяется. Когда рассказчик собирается покинуть Одессу, он восклицает: «Ну что ж – ещё один этап. Мало ли их было? Мало ли их будет?....» [9]. Однако путешествие на юг не означает, что оно подходит к концу. В конце истории «я» сажусь на пароход и вижу, как тихо-тихо уходит от меня моя земля, и начинаю новую поездку. Разрешение частичной нестабильности не продвигает разрешение общей нестабильности между «мной и ужасной средой», и нарративное движение истории не только не завершается, но и входит в цикл, а скидания становятся нормальной частью жизни этих изгнанников.

На уровне основного сюжета «Воспоминания» Тэффи показывают циклическую структуру, а на уровне дискурса рассказчик часто воссоздаёт историю изгнания с точки зрения тогдашней «я», то есть 10 лет назад. Таким образом, читатель в процессе чтения может воспринимать все события лишь в ограниченной перспективе. Благодаря этому автор неявно направляет читателя в трех аспектах: информационном, эмоциональном и этическом. Во-первых, в информационном аспекте читатель узнал об испытаниях и психологических изменениях в процессе изгнания. Во-вторых, в эмоциональном аспекте читатель находится в той же ограниченной перспективе, что и рассказчик «Я», поэтому при столкновении с внезапной опасностью у него возникает ощущение присутствия, а постоянно возникающая новая нестабильность вызывает у читателя сочувствие к рассказчику и

связанным с ним персонажам, а также все более сильное желание разрешить общую нестабильность. В-третьих в этическом аспекте, основываясь на указаниях предыдущих двух аспектов, читатель ощущает ничтожность и хрупкость человека посреди великих перемен в истории и видит новый этический порядок в хаотичном мире.

Пытаясь разгадать тайны бытия, Тэффи старалась заглянуть в самую глубину души человеческой и создать не просто образ, а психологический портрет субъекта [3]. В период изгнания жизнь людей хрупкая. В цикле бегства стремление людей к «жизни» было настолько велико, что «выживание» стало главным этическим принципом в новом этическом порядке, построенном изгнаниками, и на разных этапах оно проявлялось в разных формах. В последние дни в Москве концерт был способом выживания: люди не могли контролировать своё завтра, а могли только наслаждаться настоящим, чтобы скрыть свой внутренний страх: в обшарпанных кафе, набитых публикой в рваных, пахнущих мокрой псиной пальто, слушали, как молодые поэты читали сами себя и друг друга, подыскивая голодными голосами... Покупали какие-то «последние лоскутья», слушали в последний раз последнюю оперетку и последние изысканно-эротические стихи, скверные, хорошие – не все ли равно! Они пытаются сиять, пока не наступила тьма. В изгнании самообман – новый образ жизни, и те, кто мокнет под дождём на платформе, уверены, что смерть им не грозит, и восклицают: «Право же, на свете совсем недурно живётся» [9]; на большом пароходе «Шилка» труд – это образ жизни, и все, независимо от класса, богатые и бедные, вместе носят уголь, готовят, моют и чистят, чтобы как можно быстрее отправиться в плавание и вывести их из-под удара. Каким бы ни был образ, всё пронизано сильным желанием изгнаников выжить и их неустанными усилиями сделать это.

Во время войны женщины проявили большую жизненную силу и стремление к жизни. В «Воспоминаниях» автор несколько раз вмешивается в повествование рассказчика, чтобы выразить свою похвалу женскому сообществу. Из К-цов выехали в товарном вагоне. Стало холодно, и я, завернувшись в свою котиковую шубку, на которой раньше лежала... А затем рассказчик говорит с ретроспективной точки зрения десять лет спустя, и рассказывает, как котиковая шубка сопровождала женщин на протяжении всего периода изгнания, и как с самого начала их отъезда и до переселения в диаспору, котиковая шубка, хоть и покрытые шрамами и изношенные, оставались с женщинами. В глазах рассказчика шубка стала символом женского изгнания, более того – символом женщин в

изгнании. Автор стремится восхвалить их сильную жизненную силу. Среди этих женщин есть такие, которые проявляют удивительную жизненную активность, которых рассказчик называет «Серафима Семёновна», они шьют платья из марли, пекут щипцы для завивки в подвале с пестицидами, ходят в парикмахерскую, чтобы сделать причёску перед побегом,

Какое очарование души увидеть среди голых скал, среди вечных снегов у края холодного мёртвого глетчера крошечный бархатистый цветок – эдельвейс. Он один живёт в этом царстве ледяной смерти. Он говорит: «Не верь этому страшному, что окружает нас с тобой. Смотри – я живу» [9].

Поэтому «Жить в любой ситуации» стало этическим принципом, который в период изгнания стал важнее, чем убеждения, гордость и привычки. Этический принцип «Жить в любой ситуации» – это мощный щит, который помогает изгнанику бороться с бесконечной тьмой и страхом.

1. Богатые второстепенные истории: многочисленные этические проблемы

Помимо истории о себе как главной нити, в «Воспоминаниях» Тэффи, существует множество побочных историй. С одной стороны, эти побочные истории стали важной частью произведения наряду с основным сюжетом по их количеству, разнообразию персонажей и общей длине; с другой стороны, эти побочные истории не влияют на развитие основного сюжета и являются самодостаточными. Эти истории играют две роли в структуре повествования «Воспоминаний» Тэффи: во-первых, в отличие от основной истории, эти побочные истории коротки и представляют собой законченный процесс с началом и концом, что приносит читателю большое удовольствие от чтения, значительно компенсируя усталость от циклической структуры основной истории. Что ещё более важно, в этих коротких и ёмких рассказах показана социальная обстановка периода изгнания, изображены социальные группы образов в период изгнания, ярко показаны различные этические проблемы, возникшие в условиях нового этического порядка в период изгнания.

1. Смерть привычная

«Смерть» стала ключевым словом в этот период истории, и она снова и снова влияет на мироощущение людей, вплоть до полного паралича их сознания. В «Воспоминаниях» Тэффи есть несколько побочных историй, в которых затрагивается тема смерти:

Пример 1: В вагоне поезда несколько бабов неожиданно увлекаются вором.

Кругом бабы весело гуторят, как бы хорошо было вора под колеса спустить и что он теперь не иначе как с проломленной головой лежит.

— Самосудом их всех надо! Глаза выколоть, язык вырвать, уши отрезать, а потом камень на шею да в воду!

— У нас в деревне подо льдом проволакивали на веревке из одной пролуби да в другую...

— Жгут их тоже много...

— Какой ужас! — говорю я Аверченке [9].

Пример 2: Вокзал в Киеве был наполнен стрельбой и криками, «мы» ждали поезда, и вдруг пришло известие:

Убитые! Раненые! Как мы привыкли к этим словам. Никого они не смущают и ни у кого не вызывают возгласа «Какой ужас! Какое горе!».

Все думают просто, в условиях нового нашего быта: «Раненых следует перевязать, убитых надо бы выгрузить».

«Раненые» и «убитые» — это слова нашего быта. И сами мы если не на разъезде, то немножко позже вполне можем стать и ранеными, и убитыми.

У кого-то украли чайник. И вопрос этот обсуждается с таким же интересом...[9].

Пример 3: В Одессе один инженер согласился сдать «мне» комнату в своём доме, и когда «я» нашёл его по адресу:

...я увидела несчастное изнурённое лицо пожилого человека. Это был тот самый инженер.

— Я не могу вас впустить в свою квартиру, — все так же шёпотом сказал он. — Место у меня есть, но поймите: пять дней тому назад я похоронил жену и двух сыновей. Сейчас умирает мой третий сын. Последний. Я совсем один в квартире. Я даже руку не смею вам протянуть — может быть, я уже заражён тоже. Нет, в этот дом входить нельзя.

Да. Там была «испанка», здесь — сыпной тиф. [9].

Эти три истории происходят в начале, середине и в конце «Воспоминаний» Тэффи и все затрагивают тему смерти. Рассказчик избегает своей субъективности, выбирая прямые цитаты персонажей, и прямо показывает безразличие общества к смерти в то время. Все персонажи относятся к смерти очень спокойно, и ни смерть злодея, ни смерть солдата, ни смерть членов их семей не вызывают у них сильной печали. Это обычная и привычная реакция на жизнь и смерть в изгнании, но отношение рассказчика меняется: жестокий способ смерти в первой истории и пренебрежительное отношение баб к смерти вызывают у «меня» ужающую реакцию, но рассказчик в этот момент критически относится к словам баб. Во второй ис-

тории «я» уже физически и психически истощённый, выражает спокойные мысли после известия о жертвах, но, сравнивая реакции людей на «известие о жертвах» и «краже чайника», рассказчик сатирически высмеивает равнодушие и оцепенение людей перед лицом смерти. В последней истории, выслушав рассказ инженера о том, как одна за другой умирают члены его семьи, «я» не испытывает никакой эмоциональной реакции, а лишь констатирует факт: Там была «испанка», здесь — сыпной тиф. Если читатель выйдет за рамки ограниченного видения «я» и проследит за изменением «моего» отношения, то он ясно увидит, что страх смерти в обществе того времени был немного измотан бесконечной жизнью бегства.

2. Потеря моральной целостности

Во время исхода беженцы находятся под большим давлением, чтобы выжить, поэтому этические и моральные нормы, признанные в мирное время, утратили своё влияние, и предательство — один из самых ярких примеров. Рассказчик акцентирует на этом внимание, рассказывая истории, произошедшие до бегства из Одессы.

Одесса пользовалась защитой французской армии, но после французской революции французская армия ушла из Одессы, а город будет захвачен и разграблен, поэтому русским, которые только что осели, пришлось искать следующее убежище. Одесса была приморским городом, и покинуть её можно было только на пароходе, поэтому «достать» пропуск на пароход стало первоочередной задачей. В этот момент «вспомнить о преданных душах, которые месяц тому назад со слезами воссторга, «которых они не стыдились», вопили, что в случае эвакуации Одессы я первая войду на пароход.»[9]. Далее рассказчик использует несколько абзацев диалога, чтобы рассказать о действиях каждого из этих друзей, давших обещание перед катастрофой.

а) Я отправилась к дому А., чтобы выяснить, что происходит, и дверь открыла его дочь:

— Вы уезжаете?

— Кажется, да...

— Куда?

— Кажется, в Константинополь. Но у нас нет никаких пропусков, и папа хлопочет. Вероятно, не поедем.

Звонит телефон.

— Да! — кричит она в трубку. — Да, да. Вместе. Каюты рядом? Отлично. Папа заедет за мной в семь часов.

Не желая ее конфузить тем, что слышала ее разговор, я тихонько открываю дверь и ухожу [9].

б) Я звонила Б, ответила квартирная хозяйка.
— Уехали. Все уехали.
— Куда?
— На пароход. У них давно были пропуски от французов.

— А! Вот как! Значит, давно...

Б. тоже клялись и умилялись... [9].

с) Какой-то общественный деятель П. пришёл ко мне:

Ш. обещал всех нас устроить на пароход, отходящий в Константинополь. Он клялся, что французы заберут нас всех. Назначил прийти за пропусками сегодня к одиннадцати... Мы сидели, как дураки, перед запертymi дверями до трех, и вдруг входит секретарь и выражает полное удивление нашим присутствием. Оказывается, что господин Ш. изволил уехать ещё в восемь часов утра и никаких распоряжений не оставил [9].

д) Инженер В пришёл и сказал:

Меня подло обманули. Мне обещали пропуск на «Корковадо», я прождал весь день и ничего не получил. Все меня бросили... как со... со... ба-ку-у-у [9].

И В упомянул о том, что Х тоже уехал с женой, кто обещал отвезти меня в Владивосток на пароходе.

— Да я встретил их сегодня вечером. Они ехали с багажом на «Кавказ». Едут в Константинополь.

— Быть не может! И ничего не просили передать мне?

— Нет, ничего. Они очень волновались и спешили. На ней была ваша меховая накидка — помните? — ей было ходно, вы ей дали надеть. Да, да, они уехали в Константинополь.

Я молчала, ошеломленная, и вдруг, не знаю почему, вся эта история показалась мне ужасно смешной [9].

Хотя в этих историях действуют разные персонажи, если мы обращаем на главное, то можем обнаружить, что эти истории очень похожи, и всем героям обещали, огорчается и расстраивается, узнав, что его обманули. Жерар Женетт предложил концепцию «нarrативная темпоральность» и ее важную роль в выражении текстового смысла в своей книге «Нarrативный дискурс» и провёл различие между «сингулятивным повествованием», «повторным повествованием» и «итеративным повествованием». Когда речь идёт о повторном повествовании, Женетт считает, что это излагает несколько раз то, что произошло один раз [2]. На самом деле, многократные рассказы об одних и тех же историях в произведении имеют одинаковое значение, которое нельзя игнорировать, а одна и та же сюжетная линия разных персонажей, по-

являющихся несколько раз в сбежавшем фрагменте «Воспоминаний Тэффи», содержит важные этические коннотации. Благодаря этому повтору рассказчик хочет показать феномен взаимного обмана и злоупотребления доверием внутри всего эмигрантского сообщества в период изгнания.

На протяжении всего повествования герой «Я» не порицает и не критикует этих персонажей; язык повествования остаётся нейтральным и не использует ироничных и оценочных слов. В результате повествователь «Я» как бы выходит из эмоциональных ограничений героя истории, смотрит на череду событий со стороны и чувствует себя «чертовски смешным». Персонажи в этом произведении удивлены такой реакцией, а инженер Б. в ужасе: «Чего же вы смеётесь? — ужасался В. — Они же вас на дули. Передумали и даже не дали знать» [9]. Однако читателя не удивляет такой смех после череды событий на ранней стадии, нелепое явление людей, обманывающих друг друга и бросающих друг друга на этой волне изгнания стало действительно фарсом, полный иронии.

3. Противоречие этического выбора

В волне изгнанников, оказавшихся посреди войны, которым некуда идти, «выживание» взяло верх над другими традиционными этическими нормами, но традиционные этические нормы не исчезли полностью среди людей, и они постоянно влияют на новый этический порядок. «Поразило и запомнилось новое выражение лиц, встречавшихся все чаще и чаще: странно бегающие глаза. Смущенно, растерянно и мгновениями — нагло... это были те, неуверенные (как бедный А.Кугель) в том, где правда и где сила» [9]. Рассказчик представляет противоречивый и запутанный этический выбор людей того времени таким образом, что точки зрения меняются и контрастируют.

Когда «наша» группа после многочисленных препятствий наконец-то приземляется в Киеве, рассказчик вводит в повествование историю одного чиновника:

Встретила старых знакомых — очень видного петербургского чиновника, почти министра, с семьёй. Больщевики замучили и убили его брата, сам он еле успел спастись. Дрожал от ненависти и рычал с библейским пафосом:

— Пока не зарежу на могиле брата собственноручно столько большевиков, чтобы кровь пропосочилась до самого его гроба, — я не успокоюсь.

В настоящее время он мирно служит в Петербурге. Очевидно, нашёл возможность успокоиться и без просочившейся крови... [9].

В этой истории рассказчик использует две точки зрения: сначала излагает историю с точки зрения того времени и вставляет слова офицера в виде прямой речи, чтобы придать рассказу достоверность. Здесь читатель сочувствует чиновнику и этически склоняется к его клятве заплатить кровью. Затем рассказчик перемещается во времени, чтобы показать нынешнее состояние чиновника с точки зрения десять лет спустя, резко контрастируя с его собственной страстной клятвой отомстить за смерть и сатирически высмеивая его поведение. В этот момент читатель испытывает шок от ранее принятых этических суждений и начинает задумываться о постепенном усложнении этического выбора людей в условиях войны, революции и изгнания.

Среди знакомых был некто Дорошевич, кто тоже бежал в Киев, где мы несколько раз встречались.

Жил Дорошевич в какой-то огромной квартире, хворал, очень осунулся, постарел и, видимо, нестерпимо тосковал по своей жене, оставшейся в Петербурге, – хорошенкой легкомысленной актрисе.

Дорошевич ходил большими шагами вдоль и по перек своего огромного кабинета и говорил деланно равнодушным ГОЛОСОМ:

— Да, да, Леля должна приехать дней через десять...

Всегда эти «десять дней». Они тянулись до самой его смерти. Он, кажется, так и не узнал, что его Леля давно вы 291 шла замуж за обшитого телячьей кожей «роскошного муж чину» – большевистского комиссара [9].

В этой части рассказчик также использует разные точки зрения двух периодов для повествования и подразумевает ряд контрастов в нем. Конtrasты во внешности: «очень осунулся, постарел» и «хорошенка легкомысленная»; контрасты в степени: «всегда» и «давно»; контрасты в поведении: «ожидание» и «шла замуж». На этих контрастах читатель выносит этическое и моральное суждение о выборе, сделанном двумя героями: он сочувствует Дорошевичу и критикует предательство Лели.

Если Дорошевич – положительный и вызывающий симпатию персонаж в этой истории, то использование рассказчиком слов «равнодушным ГОЛОСОМ» и «говорил деланно» для описания его голоса не очень подходит к его роли ждущего мужа и противоречит тому, что «видимо, нестерпимо тосковал по своей жене». Что же приводит к этому противоречию?

В дальнейшем повествовании рассказчик через неограниченную точку зрения показывает душу Дорошевича и его конец:

Он, вероятно, сам поехал бы за ней в Петербург, если бы не боялся большевиков до ужаса, до судорог.

Он умер в больнице, одинокий, во власти большевиков [9].

Таким образом, читатель понимает, что в основе конфликта лежит не что иное, как его внутренний страх. Этот страх ставит его перед этической дилеммой: как выбрать между собственным выживанием и защитой любимой. Он бежал один в Киев, но мучился этим этическим выбором, и хотя у него была «огромная квартира» и «огромный кабинет», чего не было в то время у многих других, он осунулся, постарел и в конце концов умер в одиночестве.

Отношение рассказчика к петербургскому чиновнику, который клянется отомстить за его кровь, но переходит в стан врага, саркастично и критично. К конфликтному и одинокому Дорошевичу рассказчик проявляет больше сочувствия и понимания, видя его боль и борьбу. Если предложение, описывающее его психологию, переписать так: «Он не поехал в Петербург за ней лично, потому что так боялся большевиков, дрожал от страха», то сразу видно, что использование рассказчиком выражение «Он сам поехал бы... если бы не...» само по себе подразумевает защиту Дорошевича.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что повествователь «Воспоминания Тэффи» использует две точки зрения – тогдашнюю и теперешнюю, которые иногда разделяются, а иногда пересекаются, и передаёт этические размышления о людях, вынужденных оказаться в волне изгнания, и их истории в переплетении главной и второстепенной историй. Второстепенные истории демонстрирует множество этических дилемм и этический хаос, в то время как главная история воплощает новый этический порядок выживания как первый этический принцип периода изгнания. Две степени историй дополняют друг друга, объясняют друг друга и переплетаются вместе, чтобы завершить этическую панораму общества в период изгнания.

Действительно, в изгнании русские пережили множество этических выборов, иногда создавая этические дилеммы, а иногда вызывая этическую путаницу. Но личный опыт рассказчика в решении этих этических проблем и его участие в них также демонстрируют его отношение, выходящее за рамки традиционных дуалистических стандартов оценки.

Только тот, кто испытал всё, знает, что все выборы вынужденные, и только тот, кто прочувствовал всё, понимает, что за всем кажущимся добром и злом скрывается слишком большая неизбежность. Поэтому рассказчик демонстрирует транс-

центное отношение, рассказывая свою и чужие истории, критикуя зло и восхваляя добро, но больше сочувствуя и понимая этих людей и события за пределами добра и зла, а также скуки и беспомощности в жизнь изгнании.

Список источников

1. Phelan J. *Somebody telling somebody else: A rhetorical poetics of narrative*. Ohio State University Press. 2017. P. 10.
2. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т.: пер. С ФР. Перцовой Н. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60 – 280.
3. Костенко Д.Е., Иванова И.И. Гуманистические идеи русских эмигрантов первой волны в творчестве Тэффи // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: Материалы III всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 26-30 мая 2014 года. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2015. С. 102 – 106.
4. Павельева Ю.Е. Поэзия Н.А. Тэффи на страницах эмигрантских изданий "первой волны" // Литература Древней Руси и Нового времени: Материалы XII всероссийской конференции, посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, Москва, 01-02 декабря 2022 года / Под общей ред. Е.В. Николаевой и Н.В. Трофимовой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 311-326.
5. Подлиняева А. Русская эмиграция "первой волны": факторы и маршруты // International Independent Scientific Journal. 2021. № 25-2. С. 10 – 14.
6. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж-Москва, 1996. С. 27.
7. Трубилова Е. Чудо Тэффи // Тэффи Н. Черный ирис. Белая сирень / Сост. Е. Трубилова. М.: Эксмо, 2006. С. 5 – 8.
8. Трубилова Е. "Тайна смеющихся слов" Тэффи // Литературная учеба. 2004. № 3.
9. Тэффи Н.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Земная радуга // Сборник рассказов; Воспоминания / Сост. И. Влади миров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 400 с.
10. Хейбер Э. Смеющаяся вопреки. Жизнь и творчество Тэффи: пер. с англ. И. Буровой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 408 с.

References

1. Phelan J. *Somebody telling somebody else: A rhetorical poetics of narrative*. Ohio State University Press. 2017. P. 10.
2. Genette J. *Narrative discourse*. Genette J. *Figures*: in 2 volumes: trans. With F. R. Pertsova N. M.: Sabashnikov Publishing House, 1998. Vol. 2. P. 60 – 280.
3. Kostenko D.E., Ivanova I.I. Humanitarian ideas of Russian emigrants of the first wave in the works of Teffi. Slavic writing and culture as a factor in the unity of the peoples of Russia: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Vladikavkaz, May 26-30, 2014. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K. L. Khetagurova, 2015. P. 102 – 106.
4. Pavelieva Yu.E. Poetry of N.A. Teffi on the Pages of Emigrant Publications of the "First Wave". Literature of Ancient Rus' and the New Time: Proceedings of the XII All-Russian Conference Dedicated to the Memory of Professor Nikolai Ivanovich Prokofiev, Moscow, December 1-2, 2022.Under the general editorship of E.V. Nikolaeva and N.V. Trofimova. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 311 – 326.
5. Podlinyaeva A. Russian Emigration of the "First Wave": Factors and Routes. International Independent Scientific Journal. 2021. No. 25-2. P. 10 – 14.
6. Struve G. Russian Literature in Exile. Paris-Moscow, 1996. P. 27.
7. Trubilova E. The Miracle of Teffi. Teffi N. Black Iris. White Lilac. Comp. E. Trubilova. Moscow: Eksmo, 2006. P. 5 – 8.
8. Trubilova E. "The Secret of Laughing Words" by Teffi. Literary studies. 2004. No. 3.
9. Teffi N.A. Collected Works: in 5 volumes. Volume 5: Earthly Rainbow. Collection of stories; Memories. Comp. I. Vladimirov. Moscow: Book Club Knigovek, 2011. 400 pages.
10. Heiber E. Laughing in Spite of It. The Life and Work of Teffi: trans. from English by I. Burova. St. Petersburg: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2021. 408 p.

Информация об авторе

Лина Ма, доктор филологических наук, преподаватель русского языка, Университет Внутренней Монголии, г. Хух-хото, Китай, linama91@mail.ru

© Лина Ма, 2025